

вался, не смѣшиваясь съ забортной водой, для чего даже изъ самыхъ малыхъ (дл. 28') паровыхъ Ш. дѣлался родъ поверхностнаго холодильника посредствомъ проводки трубъ отработавшаго пара по днищу Ш. снаружи; окружающая вода охлаждала паръ, такъ что не требовалось устройства циркуляціонной помпы. Большой успѣхъ различнаго рода газо-, керосино- и спиртомоторовъ побудилъ также и строителей Ш. къ тому, чтобы примѣнить эти моторы и къ Ш. Наибольшій успѣхъ въ этомъ отношеніи имѣли: фирма «Escher Wyss & Co» въ Цюрихѣ, строящая Ш. съ нефтяными двигателями своего типа, и фабрика моторовъ въ Маріенфельдѣ (Германія), которая совместно съ заводомъ Гольца (см. выше) въ Гарбургѣ изготовляетъ очень удачныя Ш. со спиртовыми двигателями. Послѣдній типъ—Ш. съ корпусомъ системы Гольца и спиртомоторомъ изъ Маріенфельда примѣняютъ и въ нашемъ военномъ флотѣ. Моторы эти вообще отличаются большою экономичностью дѣйствія, малымъ мѣстомъ для своего помѣщенія и не требуютъ особаго ухода за собою, какъ, напр., паровая машина; кромѣ того они быстро приводятся въ движеніе, между тѣмъ какъ разводка паровъ въ котлѣ требуетъ продолжительнаго времени. Отрицательныя стороны этихъ моторовъ составляетъ: сравнительная нѣжность ихъ частей, которая пока еще приводитъ къ частымъ поломкамъ; затѣмъ моторы эти не могутъ дать задняго хода, такъ что Ш. эти принуждены имѣть или зубчатый приводъ для перемѣны хода, или же поворотныя лопасти у винта; и то и другое пока еще довольно громоздко. 3) *Количество шлюпокъ*. На военныхъ судахъ, весьма рѣдко пристающихъ прямо къ пристанямъ, Ш. служатъ единственнымъ средствомъ сообщенія съ берегомъ; поэтому типъ ихъ весьма разнообразенъ: имѣются рабочія Ш. (барказы, рабочіе катера), служащія для перевозки, кромѣ людей, также и тяжестей, легкіе катера и вельботы—для перевозки офицеровъ; Ш. всѣ приспособлены для перевозки наибольшаго количества людей, что бываетъ необходимо при десантѣ; поэтому, кромѣ специальныхъ спасательныхъ Ш. (вельботовъ), остальные не имѣютъ громоздкихъ воздушныхъ ящиковъ. Барказы и рабочіе катера вооружены часто скорострѣлками. Имѣются также спеціальныя минныя катера, съ миннымъ аппаратомъ въ носу—для производства минныхъ атакъ. На коммерческихъ судахъ, пристающихъ главнымъ образомъ непосредственно къ пристанямъ, Ш. служатъ почти только какъ спасательныя средства. Поэтому и типъ Ш. коммерческихъ судовъ—чисто спасательной Ш.; количество ихъ рассчитано на то, чтобы принять на себя по возможности все количество людей, находящіяся на суднѣ. Если судно имѣетъ спасательные плоты, то количество Ш. уменьшается соответственно съ тѣмъ, сколько людей можетъ поднятъ плотъ. Количество людей, поднимаемыхъ Ш., опредѣляется слѣдующимъ правиломъ: перемножаютъ длину, ширину и высоту Ш., произведение множатъ на 0,6 и дѣлятъ на 18, частное покажетъ нормальное число людей, могущихъ быть свободно помѣщенными

на Ш. (правило англійскаго торговаго совѣта, Board of Trade). См. Brix, «Bootsbau» (изд. Hütte); А. Боярский, «Руководство къ постройкѣ шлюпокъ»; «Правила англійскаго Board of Trade относительно пассажирскихъ паровозовъ»; Johow, «Hilfsbuch für den Schiffbau» (изд. 1902 г.); К. Тенисонъ, «Отчетъ по объѣзду портовъ Европы и Америки въ 1900 г.»; а также и различныя статьи въ специальныхъ журналахъ морскихъ и техническихъ. См. также Гребныя суда. Р. Л.—г.

Шлюпъ—военное судно прежняго паруснаго флота; оснастку имѣло въ родѣ корветской. Артиллерійское вооруженіе состояло изъ одной открытой батареи съ пушками небольшого калибра. Часто употреблялось какъ транспортное судно или какъ судно для учебныхъ экспедицій. Ш. также называются деревянныя суда, строящіяся на С въ Архангельскомъ, Кемскомъ уѣздахъ и около Колы.

Шлютеръ (Андреасъ Schlüter, 1664—1714)—нѣмецкій скульпторъ и архитекторъ, сынъ гамбургскаго скульптора, переселившійся въ Данингъ, провелъ свою юность въ этомъ городѣ, учился тамъ скульптурѣ у Д. Заповіуса и довершилъ свое художественное образованіе путешествіемъ въ Голландію, во время котораго пристрастился къ нидерландскому стилю бароко. Въ началѣ своей самостоятельной дѣятельности онъ служилъ придворнымъ скульпторомъ въ Варшавѣ, а потомъ, въ 1694 г., былъ приглашенъ курфюрстомъ Фридрихомъ III на такую же должность въ Берлинъ, гдѣ вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ также товарищемъ директора академіи худож. Выполнивъ декоративную скульптуру въ мраморномъ залѣ потсдамскаго дворца, онъ въ 1696 г. построилъ линценбургскій (теперь шарлоттенбургскій) дворецъ, въ 1697 г. выѣхалъ статуя курфюрста, въ 1698 г. получилъ порученіе окончить начатую Нэрингомъ постройку и произвести отдѣлку зданія берлинскаго арсенала, въ 1699 г. былъ назначенъ директоромъ сооруженія большого королевскаго дворца, по сочиненному имъ самимъ проекту, въ 1703 г. исполнилъ лучшее изъ своихъ произведеній, знаменитый монументъ великаго курфюрста на «Длинномъ мосту» въ Берлинѣ. Въ 1706 г., по интригамъ своего соперника, Эозандера фонъ-Гёте, Ш. былъ отстраненъ отъ постройки большого дворца, но не лишился должности придворнаго скульптора и выѣхалъ въ 1713 г. надгробный памятникъ Фридриха I. Въ томъ же году Петръ Великій пригласилъ его къ себѣ на службу; онъ явился въ СПб., но вскорѣ умеръ, не успѣвъ произвести здѣсь ничего значительнаго. Въ своихъ постройкахъ Ш. держался жеманнаго, напыщеннаго стиля, господствоваваго тогда во Франціи и Нидерландахъ. Лучшее изъ этихъ построекъ должно признать большой берлинскій дворецъ, отличающійся грандіозностью общей концепціи и изяществомъ многихъ деталей. Талантъ этого художника гораздо ярче, чѣмъ въ архитектурѣ, выказался въ его скульптурныхъ работахъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны пластическія украшенія берлинск. арсенала, въ особенности маски умирающихъ воиновъ, кра-

сующихся надъ окнами,—произведенія, поразительныя по естественности, силѣ и разнообразію приданнаго имъ выраженія, и конная статуя великаго курфюрста (отлитая Якоби въ 1700 г.) въ вышеупомянутомъ монументѣ этого государя, которая, не смотря на обыкновенную въ скульптурѣ конца XVII стол. изысканность формъ и на римскій костюмъ, отличается энергичностью экспрессіи, величественностью позы и общою живописностью. Ср. von Klöden, «Andreas Schlüter» (Берл., 1855); Adler, «Andreas Schlüters Leben und Werke» (Берл., 1862) и Gurlitt, «Andreas Schlüter» (Берл., 1891).

Шляксь, правильнѣ *Слячъ* (мадьярск. Szliacs — произносится Слячъ) — извѣстный курортъ въ Венгріи, въ Зволенскомъ (иначе Сольскомъ) комитатѣ, съ богатыми углекислотой желѣзистыми теплыми минеральными источниками, воды которыхъ оказываютъ цѣлебное дѣйствіе противъ малокровія, женскихъ и нервныхъ болѣзней. Ср. Hasenfeld, «Der Kurort Szliacs» (III изд., Вѣна, 1878); Grünwald, «Die Eisenthermen von Szliacz» (Будапештъ, 1887).

Шлякинъ (Илья Александровичъ, род. въ 1858 г.)—историкъ литературы. Учился въ с.-петербургской III гимназіи и с.-петербургскомъ университетѣ. Въ 1881 г. кончилъ курсъ со степенью кандидата историко-филологическаго факультета и былъ оставленъ профессоромъ Орестомъ Миллеромъ при университетѣ по кафедрѣ исторіи русской словесности. Въ 1891 г. защитилъ магистерскую диссертацию: «Св. Димитрій Ростовскій и его время» (СПб., 1891). Этотъ крупнѣйшій трудъ Ш. представляетъ собою сводъ массы архивныхъ данныхъ. Съ 1888 г. Ш. читаетъ лекціи въ спб. университетѣ, сначала какъ приватъ-доцентъ; въ 1901 г., послѣ смерти И. Н. Жданова, онъ занялъ кафедру исторіи русской литературы. Преподавалъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, съ 1890 г. читаетъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ (одно время былъ деканомъ историческаго отдѣленія), съ 1896 г.—въ Александровскомъ лицѣ. Состоитъ членомъ ученаго комитета при мин. нар. просвѣщенія. Наибольше значительные труды Ш.—ученыя изданія старинныхъ памятниковъ: «Шестодневъ Георгія Писиды» (текстъ и прим., СПб., 1882; статья о Шестодневѣ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1890, кн. 6); «Поѣздъ о Василиѣ Златовласомъ» (1882); «Ужасная измѣна слястолюбиваго жителя» (вновь открытая комедія XVII вѣка, 1882); «Слово Даниїла Заточника» (1884); «Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени» (1898). Последняя работа, изданная на основаніи немногочисленныхъ и обрывочныхъ матеріаловъ, даетъ освѣщеніе одному изъ малоизслѣдованныхъ моментовъ въ исторіи русскаго театра. Подъ редакціей Ш. издано «Полное Собраніе Сочиненій А. С. Грибоедова» (почетный отзывъ акад. наукъ; см. отзывъ о немъ проф. Алексѣя Веселовскаго въ «Сборникѣ» отд. рус. яз. и слов., № 52). Въ 1903 г. Ш. выпустилъ цѣнное комментированное изданіе бумагъ Пушкина, полученныхъ имъ отъ племянника П. В. Анненкова: «Изъ неизданныхъ бумагъ

А. С. Пушкина» (СПб., 1903). Кромѣ сообщеній и замѣтокъ въ специальныхъ журналахъ, Ш. издалъ также отдѣльно: «Волна». Сборникъ русской художественной лирики (СПб., 1892); «Русскому солдату на память о Пушкинѣ» (печатано по Высочайшему повелѣнію, СПб., 1899).

Шляпы—см. Костюмы и Уборы головные.

Шляпы—шведская политическая партия—см. Шапки.

Шляхи (стар.)—большіе наѣзженные пути, игравшіе въ древней Руси огромную историческую роль въ смыслѣ политическомъ, военномъ и торговомъ. По этимъ стариннымъ путямъ двигались на Русь азіатскія кочевыя племена, начиная съ печенѣговъ, хозаръ и половцевъ. Самымъ стариннымъ Ш. или по-татарски «сакмою» является такъ называемый «Кончаковъ шляхъ», проходящій до сихъ поръ черезъ западные уѣзды Харьковской и Курской губерній, изъ Днѣпровскихъ степей къ древнему г. Путивлю, и сохранившій свое имя съ XII в., когда слѣдомъ за сѣверскимъ княземъ Игоремъ вторгся со своею ордою въ Посемье половецкій ханъ Кончакъ. Послѣ вторженій татаръ и особенно крымскихъ извѣстія о главныхъ Ш. становятся наиболѣе полными. Крымскіе татары проникали на «московскія мѣста» преимущественно чрезъ губерніи Воронежскую и Курскую въ промежутокъ между Днѣпромъ и Дономъ. Здѣсь пролегали слѣдующіе главнѣйшіе Ш.: 1) *Калмусская сакма*, самая восточная, шедшая отъ береговъ Азовскаго м. (р. Калки) и доходившая по «Книгѣ Большому Чертежу» до гг. Оскола и Ливенъ; 2) *Изомская сакма*, на западъ отъ Калмусской и 3) *Муравскій Ш.*, самый западный (см. о немъ т. XII, стр. 188). Отъ этихъ главныхъ Ш. шли второстепенные, иногда усваивавшіе названіе большихъ главныхъ Ш., напр.: Муравки (3); Азовскій Ш.; Ш. Сагайдачный; свиная дорога; Вокаевъ Ш., которымъ по «Книгѣ Большому Чертежу» «бѣлгородскіе (аккерманскіе) татары прихаживали на Рыльскія, и на Болховскія и на Орловскія мѣста—Бокай мурза»; Посольскій Ш., Ромодановскій, Муромская сакма, Пахнущая сакма, Савинская и др. Сохранились свѣдѣнія, начиная отъ первыхъ годовъ XVII в., и объ укрѣпленіи этихъ главныхъ Ш., о «досмотрѣ царскомъ посланцами» и о постройкѣ по нимъ остроговъ. По Ш., за татарами шли украинные порубежники «чумаковать» и по нимъ же изъ Москвы въ Крымъ и обратно ѣздили послы той и другой стороны.

В. Р.—вз.

Шляхта (отъ др. верхн.-нѣм. slahta—родъ)—дворянское сословіе въ Польшѣ. Вопросъ о происхожденіи Ш. находится въ связи съ вопросомъ о возникновеніи польскаго государства. Въ польской историографіи существуютъ двѣ теоріи для рѣшенія послѣдняго вопроса: теорія завоеванія Польши иноземнымъ племенемъ и теорія естественной эволюціи социально-политическихъ отношеній въ жизни польскихъ племенъ, отрицающая фактъ завоеванія извнѣ. Пекошинскій, профессоръ краковскаго унив., старается дока-

зять, что польское государство возникло вследствие завоевания Польши полабскими славянами, переселившимися въ Польшу въ концѣ VIII или началѣ IX в. Живя устьевъ Лабы (Эльбы), они должны были вести ожесточенную борьбу съ германскими племенами, саксами, норманнами и франками, вследствие чего въ жизни полабскихъ лехитовъ, какъ называетъ ихъ историкъ, развилась воинственность; кромѣ того, находясь въ сношеніяхъ съ германскимъ міромъ, они подчинились германскому вліянію. Между прочимъ, они заимствовали отъ датчанъ скандинавскія руны, которыя они употребляли въ видѣ военныхъ знаменъ на своихъ знаменахъ. Съ завоеваніемъ Польши пришельцами, населеніе ея распалось на три класса: 1) вожди завоевателей, принадлежавшіе къ одному и тому же роду или одной и той же княжеской династіи, управлявшей полабскими лехитами, образовали высшее сословіе, отъ котораго и пошла польская III; 2) простые воины составили классъ рядового рыцарства или такъ наз. владыкъ и, наконецъ, 3) мѣстное сельское населеніе обращено было въ рабское состояніе. Фактъ переселенія полабскихъ славянъ на востокъ, на берега Варты и Вислы, не отмѣненъ ни въ одномъ историческомъ источникѣ, такъ что завоеваніе Польши этими переселенцами является лишь гипотезою изслѣдователя. Въ основѣ гербовъ польской III. Пекосинскій отыскиваетъ скандинавскія руны; онъ-то и представляютъ собою самое сильное доказательство, приводимое историкомъ въ пользу своей гипотезы. Но это основное положеніе изслѣдованій Пекосинскаго въ области польской геральдики отвергается другими польскими учеными. Вообще эта теорія, хотя и отличается замѣчательной стройностью, покоится на весьма шаткихъ основаніяхъ. Изслѣдователи, принимающіе вторую теорію, расходятся между собою во взглядахъ на социально-политическіе факторы, подъ дѣйствіемъ которыхъ создано польское государство, но согласны между собою въ томъ, что оно возникло, какъ результатъ борьбы польскихъ племенъ между собою. Эволюція національно-политическихъ отношеній въ первобытной Польшѣ была вѣроятнѣе всего такова. Государственной организаціи предшествовала, какъ и у всѣхъ первобытныхъ народовъ, родовая, при чемъ родъ представлялъ собою и экономическій союзъ на началахъ коллективности. Дальнѣйшею формою социальной интеграціи являлась группа родовъ, соответствовавшая южно-славянскому братству и положившая начало территориальному союзу, называвшемуся впоследствии «ополе». Дѣлами опола заведывалъ совѣтъ старшинъ, стоявшихъ во главѣ отдѣльных родовъ, изъ которыхъ состояло ополе. Изъ соединенія ополей возникали племена, которыми управляли князья. Война усилила княжескую власть и способствовала выдѣленію изъ общей массы свободныхъ людей особаго постоянного класса воиновъ, образовавшаго ядро, изъ котораго постепенно развилось шляхетское сословіе. Напряженная борьба, которую приходилось вести полякамъ со своими врагами, въ осо-

бенности съ Германской имперіею, налагала на всю государственную организацію Польши сильный отпечатокъ военного быта. Вся страна, усѣянная «городами» (крѣпостями), въ которыхъ находились отряды рыцарей, представляла видъ какъ бы обширнаго лагеря. Особенно большое количество воинства въ царствованіе короля Болеслава Храбраго сосредоточивалось, по словамъ перваго польскаго лѣтописца Галла, въ Познани (1300 рыцарей въ панцыряхъ и 7000 со щитами), въ Гнѣзвѣ (1500 латниковъ и 5000 щитоносцевъ), во Владиславѣ (800 латниковъ и 2000 щитоносцевъ) и въ Гечѣ (300 латниковъ и 2000 щитоносцевъ). Слава и щедрость такихъ королей, какъ Болеславъ Храбрый, Болеславъ Смѣлый и Болеславъ Кривоустый, привлекали въ Польшу и иностранныхъ рыцарей, жаждавшихъ пріобрѣсти богатства. Въ рядахъ польскаго рыцарства встрѣчались нерѣдко рыцари, носившіе такіа имена, какъ Рудольфъ, Арнульфъ, Вильгельмъ, Одонъ и др. Сношенія съ Германіею и другими странами Запада приводили поляковъ къ тому, что они заимствовали оттуда обычаи и учрежденія. Такъ, уже въ XI в. извѣстенъ былъ Польшѣ обычай посвященія въ рыцари, и короли жаловали рыцарское званіе за какія нибудь заслуги или услуги людямъ небогатаго роднаго происхожденія, даже рабамъ. Благородное сословіе носило также названіе «владыкъ». Старшины рыцарскихъ родовъ, бывшіе князья племени, утратившія свою политическую самостоятельность, и потомки этихъ князей составляли въ этомъ сословіи аристократическій элементъ, который съ теченіемъ времени развился и разросся въ особый классъ богатой земледѣльческой знати, такъ наз. можновладства». Пекосинскій утверждаетъ, что польское рыцарство до конца XI стол. находилось на иждивеніи государей и своихъ земель не имѣло, и что только въ началѣ XII ст. при князѣ Болеславѣ Кривоустомъ оно было надѣлено поземельными владѣніями и тогда только обратилось въ земледѣльческое сословіе. Но это утвержденіе не оправдывается историческими данными. Рыцарство, какъ классъ, выдѣлившись изъ массы населенія, владѣло землями еще въ дореволюционное время. При этомъ, конечно, были и рыцари, земли не имѣвшіе; они принадлежали къ княжеской или королевской дружинѣ и содержаніе получали отъ государя. Но вообще рыцарство было земледѣльческимъ классомъ. Рыцарь могъ владѣть имѣніемъ, доставшимся ему или по наслѣдству, или въ силу пожалованія. Первый видъ поземельной собственности составлялъ собственность родовую, второй—личную. Коллективная родовая собственность встрѣчалась въ Польшѣ среди III. еще въ XV и даже XVI вв. Но разложеніе ея началось рано и процессъ индивидуализаціи все сильнѣе и сильнѣе развивался. Однако, относительно индивидуальной собственности долгое время въ Польшѣ дѣйствовали юридическія нормы, свидѣтельствовавшія о томъ, что эта собственность выдѣлялась изъ родовой. Для отчужденія подобнаго имѣнія въ чужія руки необходимо было согласіе родичей; кромѣ

того, послѣдніе имѣли право требовать возвращенія въ ихъ владѣніе земель, которыя были отчуждены, и возвратитъ ихъ, уплативъ продажную цѣну лицу, которое эти земли приобрѣло. Отъ рыцарей уже въ первые вѣка исторической Польши сталъ отдѣляться классъ крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ или можновладцевъ. Въ удѣльную эпоху они представляли собою силу, отъ которой зависѣли судьбы страны. Въ Польшу проникала западно-европейская культура и, хотя въ ней и не водворился феодальный строй, тѣмъ не менѣе сложились отношенія, сближавшія въ значительной степени польскіе порядки съ западно-европейскими. Высшее духовенство, а за нимъ и можновладыи приобрѣли отъ князей иммунитетъ, дававшій имъ права верховной власти надъ населеніемъ ихъ мѣстн. Подъ влияніемъ иммунитета развивалось и такъ назыв. рыцарское право (*jus militiae*). Тотъ, кто владѣлъ этимъ правомъ, могъ распорядиться своимъ имуществомъ согласно существующему праву о наследствѣ (*jus hereditarium*), освобождался отъ нѣкоторыхъ повинностей, приобреталъ нѣкоторую судебную власть надъ крестьянами и могъ требовать отъ нихъ въ свою пользу исполненія повинностей, которыя они несли раньше по отношенію къ государю. Таково содержаніе рыцарскаго права въ XIII в. Лицо, пользовавшееся этимъ правомъ, считалось благороднымъ (*nobilis*), шляхтичемъ. Отъ рыцарства III. отличались еще въ XIV в., по законодательству Казимира Великаго, рыцарство родовое (*miles medius, scartabellus*); кромѣ того, встрѣчались рыцари, происходившіе изъ крестьянъ и солтысовъ (*miles e sculteto vel smetone*). Вира за убійство шляхтича опредѣлена была въ 60 гривенъ, за рыцаря родового 30 гр. и рыцаря послѣдней категоріи — 15 гр. Сверхъ того рыцарство простое, небогородное, не имѣло гербовъ. Вслѣдствіи этого классъ слился отчасти съ крестьянствомъ и отчасти съ III. Въ XIII и XIV ст. III. не имѣла еще политическаго значенія; она подчинялась вождь прелатовъ и бароновъ, какъ назывались духовные и свѣтскіе вельможи. Но какъ боевая сила государства, она уже въ это время играла весьма важную роль въ странѣ. Главнымъ образомъ при поддержкѣ III. удалось королю Владиславу Локотку возстановитъ польскую монархію, создать единство политическое, вслѣдствіе котораго укрѣпилось еще болѣе національное сознание поляковъ. Носителемъ и выразителемъ этого сознания являлась преимущественно III. Къ этому присоединялись еще другіе факторы, подъ дѣйствіемъ которыхъ стало развиваться въ III. стремленіе занять въ государствѣ мѣсто, подобающее ей силѣ. Какъ сословіе, обособленное отъ другихъ, она была проникнута сильно корпоративнымъ духомъ, чувствами сословной солидарности и энергично отстаивала свои сословные интересы, которые часто находились въ противорѣчіи съ интересами другихъ сословій. Особенно усиленно боролась она уже въ средніе вѣка съ духовенствомъ, привилегіи котораго, взиманіе десятины, церковная юрисдикція, освобожденіе отъ военной службы и

податей, становились для нея иногда совсѣмъ невыносимы. Освободиться отъ различнаго рода тягостей, налагаемыхъ государствомъ или обусловленныхъ привилегированнымъ положеніемъ духовенства и свѣтской аристократіи, можно было, конечно, только путемъ вліянія на законодательную власть страны. Уже привилег XIII вѣка (1229 и 1291 г.) запрещаютъ князьямъ увеличивать повинности, лежащія на III., сверхъ существующей нормы. Въ XIV ст. вліяніе шляхетскаго сословія еще болѣе усиливается. Уже въ первой половинѣ этого вѣка шляхтичи присутствуютъ на общегосударственныхъ сѣздахъ прелатовъ и бароновъ или въ качествѣ простыхъ зрителей и слушателей безъ права голоса, или даже иногда, вѣроятно, принимая дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ этихъ сѣздовъ (таковы, напр., сѣзды 1320 и 1333 гг.). Дальнѣйшій ростъ III. въ этомъ столѣтіи обусловленъ былъ общимъ подъемомъ общественныхъ силъ Польши, въ царствованіе Казимира Великаго. Событія послѣ смерти этого короля ускорили политическую эволюцію сословія. Престолъ Польши перешелъ къ племяннику Казимира Людовику, королю венгерскому, у котораго не было сыновей, а только три дочери. Между тѣмъ польское обычное право и трактаты, заключенные между Польшею и Венгріею, устранили женщинъ отъ наследованія польскаго престола, вслѣдствіе чего со смертію Людовика Польша въ владѣніи его династіи не могла остаться. Это разстраивало династическіе планы короля и онъ, даровавъ различныя льготы государственнымъ чинамъ Польши, добился отъ нихъ признанія одной изъ его дочерей наследницею польской короны. По копичкомъ привилею 1374 г. III. освободилась отъ всѣхъ государственныхъ повинностей, за исключеніемъ платежа поземельной подати въ размѣрѣ 2 грошей съ лана, получила исключительное право занимать должности воеводъ, каштеляновъ, судей, подкоморихъ и др. Съ этого момента политическая эволюція сословія будетъ совершаться весьма быстро. Въ періодъ безкорольевъ (1382—84), послѣ смерти Людовика, она представляла уже силу, отъ которой зависѣла судьба государства. Занятая борьба партій, вожди которыхъ должны были опираться на III., какъ на боевую силу. И III. начинаетъ играть въ эту эпоху весьма важную политическую роль. Для того, чтобы обсудитъ положеніе дѣлъ, устраивались часто мѣстные и общіе сѣзды, состоявшіе изъ прелатовъ, бароновъ и шляхтичей. Въ это время сильнаго политическаго движенія появляются даже начатки шляхетскаго представительства. По словамъ современнаго польскаго лѣтописца Янка изъ Чарникова, на виллицій сеймѣ 1382 г. сѣхались краковіане, сандомиряне и послы всѣхъ польскихъ земель. Но что всего важнѣе, въ это время обнаруживается уже сильную дѣятельность учрежденіе, въ которомъ концентрировалась социально-политическая жизнь шляхетскихъ общинъ, на которыя дѣлилась III. всей Польши: то былъ сеймикъ, собраніе всей III., принадлежавшей къ одной и той же мѣстной общинѣ (*communitas*), какъ одному общественному цѣлому. Такъ на-

чинает организоваться тотъ политическій строй, въ которомъ III. было суждено господствовать. Однако, до половины XV столѣтія она находится еще въ служебномъ положеніи по отношенію къ духовному и свѣтскому вельможеству. Хотя представители ея вмѣстѣ съ представителями отъ духовныхъ капитуловъ, университетовъ и городовъ и принимаютъ участіе въ сеймахъ, но государствомъ въ это время управляетъ аристократія. Отношенія измѣняются съ нѣшавскаго законодательства (см. XX, 259), поставившаго III. на одинаковый уровень съ можновладцами: чтобы издать новый законъ, установить новый налогъ или созвать земское ополченіе, король обязанъ былъ за разрѣшеніемъ обращаться къ шляхетскимъ сеймикамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ III. приобрѣла еще раньше важныя привилегіи, гарантировавшія имущественную и личную неприкосновенность шляхты (см. Череквицкій привилей XXXVIII, 52). Этотъ политическій ростъ сословія находился въ зависимости отъ экономическихъ причинъ. Польша была страной земледѣльской, слѣдственно, III., какъ сословіе землевладѣческое, являлась важнымъ факторомъ въ государственной жизни страны. Въ XIV и XV вв. экономическія условія, въ которыхъ находилась Польша, сильно измѣнились. Съ приобретениемъ Червоной Руси и присоединеніемъ, хотя бы частичнымъ и временнымъ, Подолія и Волыни, открылись обширныя пространства для польской колонизаціи, такъ какъ эти земли были мало населены. Тутъ образовались громадныя латифундіи польскихъ магнатовъ, которые, чувствуя недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, старались привлекать въ свои имѣнія крестьянъ разными льготами. Эмиграція крестьянскаго населенія изъ Польши вредно отзывалась на хозяйствѣ шляхетскаго сословія. Въ интересахъ его было задержать крестьянъ на мѣстѣ. Кромѣ того, общее экономическое развитіе Европы къ концу среднихъ вѣковъ расширило рынки для сбыта земледѣльческихъ продуктовъ Польши, что побуждало польскаго помѣщика усиливать эксплуатацію земли, но этого можно было достигнуть, конечно, только путемъ измѣненій въ веденіи хозяйства и путемъ усиленія эксплуатаціи крестьянскаго труда. Имѣя политическую силу въ своихъ рукахъ, III. ограничила сначала самоуправленіе крестьянскихъ общинъ, подчинивъ ихъ своему контролю, чего она добилась приобретениемъ должности солтыса, состоявшаго въ главѣ крестьянской общины. Варшавскій статутъ 1423 г. заключаетъ въ себѣ постановленіе, на основаніи котораго помѣщикъ могъ лишить солтыса должности за ослушаніе и самъ занять эту должность. Стѣнивъ сильно крестьянское самоуправленіе, III. ограничила затѣмъ свободу крестьянскихъ переселеній, установила барщину и, наконецъ, обратила крестьянина въ крѣпостное состояніе. По Петроковскому статуту 1496 г. уйти изъ помѣщичьей деревни имѣлъ право только одинъ крестьянинъ, только одного сына крестьянская семья была въ правѣ отдавать въ обученіе; бѣжавшаго крестьянина законъ разрѣшалъ помѣщику преслѣдовать, хватать и

возвращать назадъ. Сеймы въ Быдгощи (1520) и въ Торнѣ (1521) установили барщину въ размѣръ одного дня въ теченіе недѣли, а варшавская конфедерація 1573 г. вручила помѣщику власть даже надъ жизнью крѣпостныхъ. Экономическіе интересы побуждали III. издавать также ограничительные законы и по отношенію къ городскому сословию. Упомянутый выше Петроковскій статутъ запретилъ мѣщанамъ приобретать поземельныя имѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, что мѣщане не принимаютъ участія въ военныхъ походахъ и всяческими способами стараются уклониться отъ военной службы, а между тѣмъ именно на поземельной собственности тяготѣла воинская повинность. Мѣщанство попыталось-было бороться со III., но неудачно. Во второй половинѣ XVI ст. городское представительство было уже устранено отъ участія въ законодательствѣ страны, хотя представители отъ нѣкоторыхъ городовъ и появлялись пногда на сеймахъ еще въ XVII в. Мало того, III. подчинила промышленность и торговлю власти воеводъ и старостъ, чѣмъ окончательно убила городское благосостояніе. Съ начала XVI в. III. была уже всевластнымъ хозяиномъ въ государствѣ, и осталась такимъ хозяиномъ до конца существованія Рѣчи Посполитой. Она законодательствовала, судила, королей избирала, оберегала государство отъ враговъ, войны вела, миры и договоры заключала и т. п. Не только политическая и социальная организація Польши была шляхетскою,—шляхетское міросозерцаніе господствовало безраздѣльно и въ умственной жизни страны. См. Чиншева III. (XXXVIII, 849), Польскій сеймъ (XXIV, 412—414), Польша (XXIV, 427 и сл.), Четырехлѣтній сеймъ (XXVIII, 741).

Литература. М. Bobrzyński, «Geneza społeczeństwa polskiego na podstawie kroniki Galla i dyplomatów XII w.»; Fr. Piekosiński, «O powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich i jego pierwotnym ustroju»; St. Smolka, «Uwagi o pierwotnym ustroju społecznym Polski Piastowskiej» (эти три сочиненія помѣнены въ «Rozprawy i sprawozd. wyd. histor. filozof. Akad. Um.», т. XIV); A. Małeckie, «Studja heraldyczne» (Львовъ, 1890, 2 т.); A. Balzer, «Rewizja teorii o pierwotnym osadnictwie w Polsce» («Kwart. Hist.», 1898, т. XII); Fr. Piekosiński, «Rycerstwo polskie wieków średnich» (т. I—III); A. Prochaska, «Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagiellonów» («Rozpr. Akad. Um. wyd. hist. filozof.», т. XXXVIII); Fr. Piekosiński, «Wiece, sejniki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich» (ib., т. XXXIX); A. Pawiński, «Sejmiki ziemskie» (Варшава, 1895); Wł. Smoleński, «Szlachta w świetle własnych opinij» («Pisma historyczne», Краковъ 1901, т. I); R. Hube, «Prawo polskie w w. XIII» (Варшава, 1874); его же, «Sądy, ich praktyka i stosunki prawne w Polsce etc.» (Варшава, 1886).

В. Новодворскій.

Шляхта—плотничій инструментъ, въ родѣ топора, но съ лезвіемъ перпендикулярнымъ къ топорщику, и слегка подогнутымъ внизъ; употребляется часто въ судостроеніи для снятія слоя съ поверхности деревяннаго